

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЭПИГРАММЫ ЛЕРМОНТОВА

Публикация Э. Найдича

I

В Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде среди бумаг Е. П. Ростопчиной нам удалось обнаружить автограф четырех неизвестных эпиграмм Лермонтова, написанных на двух сторонах небольшого листка бумаги: три эпиграммы писаны чернилами, последняя — карандашом на оставшемся свободным крае листка. С одной стороны листка две эпиграммы на Булгарина; с другой — две эпиграммы¹ на другое лицо. Установить имя этого лица пока не удалось.

Приводим новонайденные тексты:

<1>

Россию продаёт Фадей
— Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй он продаст жену, детей
И мир земной и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль — заложена в казну.

<2>

Россию продает Фадей
И уж не в первый раз, злодей.

<3>

Се Макавей-водопийца кудрявые речи раскинул, как сети.
Злой сердцелов! ожидает добычи <в> реках, в пустыне,
Сухосплетенные мышцы расправил, и корший
Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный, шелкая.

<4>

Остаться без носу — наш Макавей боялся,
Приехал на воды — и с носом он остался.

Бумаги Ростопчиной в 1872 г. были проданы в Публичную библиотеку цензором Вильямом Вильямовичем Юзом (1838—1888)². Юз, очевидно, не подозревал, что среди принадлежавших ему рукописей был и автограф Лермонтова. Не знали об этом и сотрудники библиотеки³. Сохра-

нившаяся среди вновь поступивших бумаг копия одной из приведенных выше эпиграмм Лермонтова, сделанная рукой поэтессы, была принята за список уже известного стихотворения, и на нее не обратили внимания.

С Е. П. Ростопчиной (тогда еще Сушковой) Лермонтов познакомился в юношеские годы в Москве. Ей, повидимому, посвящено стихотворение «Крест на скале» (1830), а также мадригал на новый 1832 год («Додо»). В этот период Сушкова писала вольнолюбивые стихи, близкие по настроению юноше-Лермонтову⁴.

Знакомство с Ростопчиной Лермонтов поддерживал и позднее. В своей «Записке о Лермонтове» писательница указывала, что она познакомилась с ним будто бы только в феврале 1841 г., во время последнего приезда поэта в Петербург. Тогда же Лермонтов подарил Ростопчиной альбом, в который вписал посвященное ей стихотворение: «Я верю: под одной звездой Мы с Вами были рождены». Когда Лермонтов уехал на Кавказ, Ростопчина передала бабушке поэта сборник своих стихотворений с надписью: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову, в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому. Петербург. 20 апреля 1841 г.». В своих воспоминаниях Ростопчина сообщала, что в феврале—апреле 1841 г. она чуть ли не ежедневно встречалась с поэтом: «Он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам (то есть к Е. П. Ростопчиной, В. Ф. Одоевскому, Карамзиным) читать их вечером»⁵.

Мемуары Ростопчиной содержат немало свидетельств, существенных для биографии Лермонтова, но относиться к ним следует весьма критически, так как написаны они в 1858 г., в ту пору, когда Ростопчина уже окончательно перешла на реакционные позиции. Направление юношеского творчества Лермонтова мемуаристка пыталась объяснить подражанием Байрону и неограниченным честолюбием поэта. Искажая факты, Ростопчина писала, будто в эти годы она «даже не имела желания познакомиться с Лермонтовым».

Трудно определить, каким образом и когда листок с эпиграммами попал к Ростопчиной. В мемуарах и в переписке тридцатых—пятидесятых годов отсутствуют упоминания об этих эпиграммах; Ростопчина не стремилась ознакомить с ними кого бы то ни было. Этому препятствовали, повидимому, приятельские отношения, установившиеся между нею и Булгариным. В сороковых годах Ростопчина печаталась в «Северной пчеле», а в одном из писем к Булгарину расточала комплименты газете и ее издателю⁶.

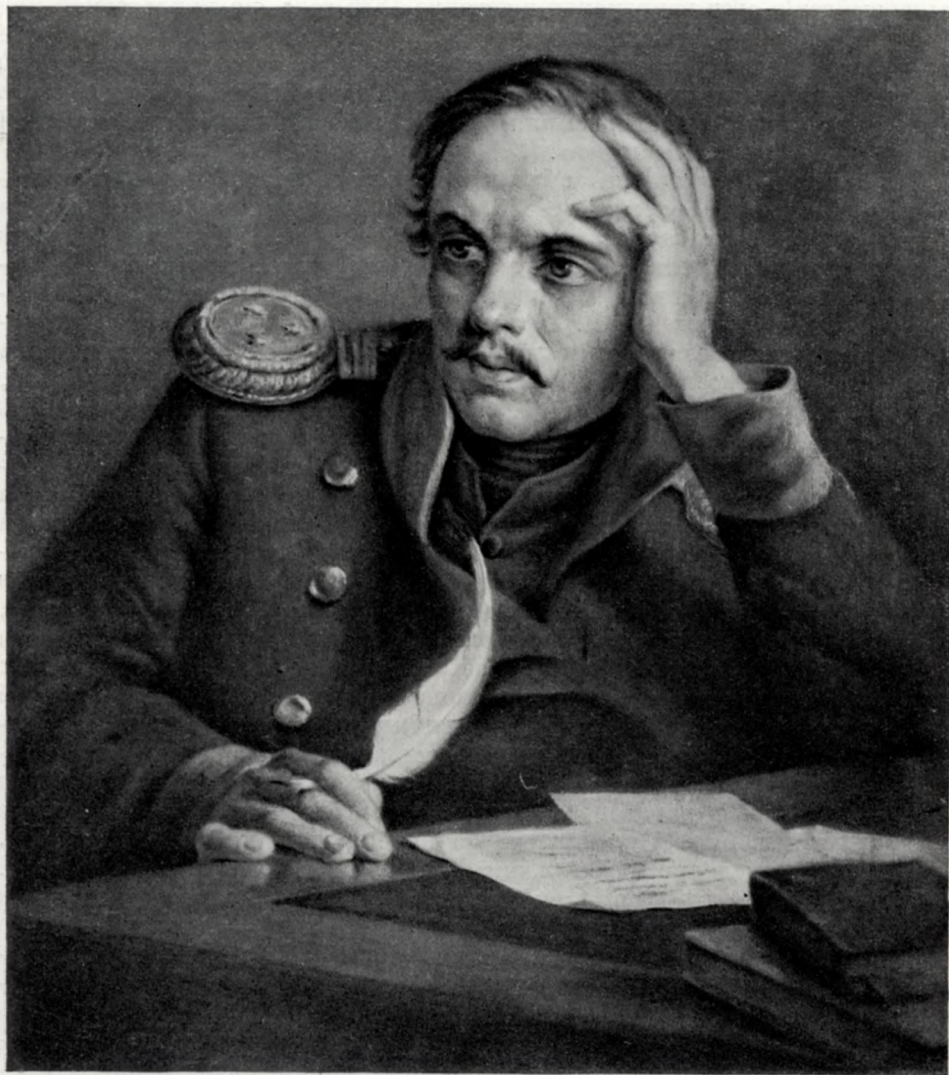
II

Пушкин в эпиграммах и памфлетах заклеил Булгарина как предателя, перебежавшего в 1811 г. в наполеоновскую армию, как шпиона и доносчика, как бездарного литератора.

Лермонтовские эпиграммы продолжают пушкинскую традицию. Лермонтов прежде всего подчеркивает антипатриотический, продажный характер деятельности «Видока Фиглярина». Еще в юношеские годы Лермонтов, внимательно следивший за журнальной полемикой, писал о Булгарине как о «низком клеветнице»⁷.

Что же послужило непосредственным поводом для лермонтовских эпиграмм?

30 октября 1835 г. «Северная пчела» сообщила, что редактор газеты собирается издать книгу (в восьми частях) — «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении». К этому номеру было приложено соответствующее объявление. Однако уже через день в отделе «Смесь» появилось новое объявление: «По переменившимся ныне обстоятельствам, подписка на сию книгу не принимается» (№ 247, от 1 ноября). Не прошло и месяца, как объявление о подписке снова появилось («Северная пчела»,

ЛЕРМОНТОВ

Портрет маслом Б. В. Щербакова, 1949 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1835, № 265, от 22 ноября): «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях, ручная книга для русских всех сословий, сочинение Фаддея Булгарина, в 8 частях, с географическими и археологическими картами, рисунками и палеографическими таблицами, выйдет в свет непременно в течение 1836 года, по прилагаемой при сем номере „Северной пчелы“ программе и на условиях в ней изложенных». Далее сообщались условия подписки: «Деньги (по пяти рублей за часть) будут выплачиваться по выходе в свет книжек. По числу подписчиков будет напечатано число экземпляров. По отпечатании сочинения цена на него должна возвыситься».

Объявление Булгарина вызвало заметку Белинского — «Литературные известия» («Телескоп», 1835, т. 29). Заметка эта была написана в духе знаменитых статей Феофилакта Косичкина (Пушкина) против Булгарина, печатавшихся в «Телескопе» в 1831 г.: «... занимательнее всего, — иронически замечает Белинский, — давно уже известное объявление о новом творении Ф. В. Булгарина: „Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях, ручная книга для русских всех сословий“. Знаменитый наш правописатель и романист, по примеру отца всех романистов, великого Шотландца, хочет замкнуть свое блистательное поприще большим историческим творением, и в скромном своем объявлении уверяет, что всякий истинный патриот, не-предатель, не-ренегат, должен непременно подписаться на его книгу, которая скоро выйдет, смотря по деятельности сотрудников; и так как подписка на эту книгу безденежная, то, слышали мы стороною, г. Булгарин приобрел уже до десяти тысяч подписчиков... У нас в Москве А. А. Орлов готовит полное издание своих романов... Боже мой! сколько надежд, сколько сладостных надежд!.. Если они исполнятся, пусть тогда ренегаты и безбородые Шеллинги и Гегели доказывают, что у нас нет литературы»⁸.

Таким образом, со страниц «Телескопа» зазвучал голос, напомнимший приятеля А. А. Орлова, Феофилакта Косичкина. Остроумный прием, примененный Пушкиным в полемике с Булгариным, позволял, обходя цензуру, разоблачать редактора «Северной пчелы». Белинский вскрывал наглый, рекламный характер булгаринского объявления, жульнические уловки, рассчитанные на привлечение наибольшего числа подписчиков. Весьма недвусмысленно называл он Булгарина ренегатом и предателем. В словах о том, что книга «скоро выйдет, смотря по деятельности сотрудников» содержался намек на то, что вовсе не Булгарин — автор подготавливаемой к печати книги. Как известно, автором в действительности был сотрудник «Северной пчелы», кандидат философских наук — Н. А. Иванов⁹.

К началу 1837 г. вышли три части булгаринского издания. Историческая часть книги представляла собою компиляцию, содержащую множество фактических ошибок. История России была доведена только до 1054 г.; первая часть посвящена целиком всеобщей истории.

Книга Булгарина не находила сбыта и залеживалась в книжных лавках. Позднее Белинский замечал, что булгаринский «Выжигин» «уже ни для кого не годится и не читается даже простым народом, хотя и дешево продается на Апраксином дворе вместе с „Россиею“ того же автора»¹⁰. Белинский рассматривал булгаринское издание как предприятие коммерческое: «...удачная подписка на неоконченную доселе „Историю русского народа“ имела следствием неудачную, и тоже неоконченную, „Россию“ г. Булгарина»¹¹.

После выхода в свет трех частей книги Булгарин, для того чтобы спасти положение, напечатал в «Северной пчеле» 30 и 31 марта 1837 г. обширное объявление «От издателя книги „Россия“ <...> к читателям этого сочинения» (№№ 70 и 71).

Россия продает гряды
 — не в первом разе как была у ^{Великой}
 Стануи ^{Коллеж} ~~и~~ гряды, продали франц. Итал.
 и славя дельной и гряды ^и не в ^{первый}
 раз совсем продали (и переходя от)
 да жаль — ринжана в кажу.

Россия продает гряды
 и уже не в первый раз гряды

АВТОГРАФ ЭПИГРАММ ЛЕРМОНТОВА НА БУЛГАРИНА, 1837 г. (?)
 Лицевая сторона листа
 Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ленинград

остаток сарь ко у — осли макавей ^{Великая}
 прихавь на воды — и в носов ^{са} ^{воз} ^{стан} ^{на}
 Великий ^{Великая} ^{Великая} ^{Великая} ^{Великая} ^{Великая} ^{Великая} ^{Великая} ^{Великая} ^{Великая}
 делай ^{делай} ^{делай} ^{делай} ^{делай} ^{делай} ^{делай} ^{делай} ^{делай} ^{делай} ^{делай}
 савис ^{савис} ^{савис} ^{савис} ^{савис} ^{савис} ^{савис} ^{савис} ^{савис} ^{савис} ^{савис}
 внауба ^{внауба} ^{внауба} ^{внауба} ^{внауба} ^{внауба} ^{внауба} ^{внауба} ^{внауба} ^{внауба} ^{внауба}
 Селово ^{Селово} ^{Селово} ^{Селово} ^{Селово} ^{Селово} ^{Селово} ^{Селово} ^{Селово} ^{Селово} ^{Селово}
 дубови ^{дубови} ^{дубови} ^{дубови} ^{дубови} ^{дубови} ^{дубови} ^{дубови} ^{дубови} ^{дубови} ^{дубови}

АВТОГРАФ ЭПИГРАММ ЛЕРМОНТОВА НА «МАКАВЕЯ», 1837 г. (?)
 Обратная сторона листа
 Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ленинград

Новое объявление представляло собой беспримерную по наглости саморекламу. Издатель пытался выдать свою убогую, проникнутую реакционно-охранительными идеями компиляцию за последнее слово науки: «При всем уважении к трудам моих предшественников, и при отвращении моем от всякого фанфаронства и самохвальства, я должен однако сказать прямодушно, что я в русской истории вижу совсем не то, что видели в ней мои предшественники <...> Тяжко самому работать для Истории, самому мыслить и самому открывать новые виды», — писал Булгарин (№ 70).

Выдавая работу Н. А. Иванова за свою, Булгарин, чтобы замаскировать обман, подробно рассказывал о том, как упорно он трудится: «Я не хочу убираться в чужие перья, да и не имею в этом нужды! На мне одном лежат десять томов, над которыми надобно много и премного думать, много трудиться! Есть где развернуться!» (№ 71).

Выход в свет книги «Россия», разрекламированной «Северной пчелой», и послужил непосредственным поводом для эпиграмм Лермонтова.

Начальные строки первой эпиграммы заключают в себе двойной смысл:

Россию продает Фадей

— Не в первый раз, как вам известно.

В чем соль сокращенного варианта эпиграммы, тоже совершенно ясно:

Россию продает Фадей

И уж не в первый раз, злодей.

Среди многочисленных эпиграмм на Булгарина эти лермонтовские эпиграммы по своей остроте и мастерству безусловно занимают, после пушкинских, первое место.

Изложенное выше позволяет предположительно датировать эпиграммы 1837 годом. «Северную пчелу» от 30 и 31 марта с объявлением Булгарина Лермонтов, очевидно, прочел в Москве, откуда он 10 апреля выехал на Кавказ. Из текста же эпиграмм, написанных на обороте листка, видно, что эпиграммы 3-я и 4-я созданы на Кавказе, так как речь в них идет о каком-то лице, приехавшем лечиться на воды.

III

Одновременно с Лермонтовым выступил по поводу булгаринской книги и В. Ф. Одоевский. Он подготовил особую статью для «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“». Однако А. А. Краевский, только что получивший выговор за некролог Пушкину, не мог ее напечатать.

Статья Одоевского до сих пор оставалась неизвестной. Сведений о ней нет даже в монографии П. Н. Сакулина, обследовавшего фонд Одоевского¹². Так как статья эта представляет несомненный интерес для изучения общественно-литературной борьбы тридцатых годов, приводим ее текст полностью:

СТАТЬЯ ОБ «РОССИИ», ИЗДАННОЙ г. БУЛГАРИНЫМ, ПОМЕЩЕННАЯ В № 70 и 71-м «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ» 1837-го ГОДА

Читателям «Северной пчелы», издаваемой г. Булгариным, известно, сколько в ней было говорено о беспримерных заслугах г. Булгарина, о беспримерной к нему благосклонности публики и о беспримерном ожесточении критиков, завидующих его славе и успехам; все это было говорено с таким искренним жаром и с такою силою, что мы долго не знали, как приступить к разбору книги, изданной г. Булгариным под назва-

нием «Россия», не подвергнувшись, неумышленно, по неопытности, негодованиею «Северной пчелы», которой мнение, как всякий легко рассудит, может стоить нам очень дорого.

Наконец, объявление г. Булгарина, помещенное в 70 и 71 № «Северной пчелы» об изданной им книге, совершенно запугало нас, и мы решились с надлежащим уважением обойти эту книгу мимо и ограничиться рассмотрением лишь вышеозначенного объявления, к чему понуждают нас наиболее следующие обстоятельства: в книге «Россия» (извините!), изданной (извините!) г. Булгариним (извините!), могут (извините!) встретиться (извините! извините!) недостатки, — и тогда долго ли нам до беды, но объявление об этой книге есть такое мастерское произведение, которому всякий принесет искренно дань невольного удивления.

Дарования бывают различны; многие умеют написать книгу и не в состоянии написать о ней объявления; таков, например, был Пушкин — он никогда не умел об издаваемых им книгах написать порядочного, красноречивого объявления, которое бы могло вкрасться в душу читателя. Но зато многие другие составили из объявлений самый цветущий у нас род литературы, — а известно — *tous les genres sont bons**.

Кто ежегодно не восхищается объявлениями об издании «Библиотеки для чтения», «Северной пчелы» и других произведений гг. Булгарина, Сенковского, и проч. и проч.

Рассматриваемое нами объявление г. Булгарина далеко оставило за собой все прежние произведения сего класса; оно показывает, до какой степени совершенства может быть доведен этот род литературы под рукою человека с различными талантами.

Посмотрите, какая глубина в каждом слове, какое подробное знание сердца читателей объявлений, их маленьких страстей, их причуд, какое мастерство удовлетворять их тщеславию¹³, какое мастерство возбуждать их любопытство и участие, какое мастерство сказать многое, ничего не говоря, и много говорить, ничего не сказав, что, как известно, есть самое трудное и самое необходимое дело в объявлении. С искренним изумлением мы приступаем к разбору столь чудного произведения; что поэт созидает вдохновением, то критик замечает после долгих трудов, — что сочинителю объявления стоило одного почерка пера, то мы могли открыть только после долгих усилий, но мы не пожалели наших трудов (слог объявлений), ибо думаем, что такой разбор будет самым поучительным уроком для молодых писателей, приготавливающихся прославить себя на поприще объявлений, следуя по стопам великих образцов наших.

Для того, чтобы совершенно вникнуть во все неподражаемые красоты сего творения, — сам читатель нуждается в некоторых приготовлениях; он должен преобразиться в помещика, который после сытного обеда ложится на софу и заставляет Ваньку читать себе «Ведомости», или же в петербургского барина, который в ожидании партнера для виста, любопытствует узнать, что новенького и как бранятся сочинители. Преобразившись в существо того или другого рода, читатель удобнее поймет чудное действие, которое должно произвести на него объявление г. Булгарина о своей книге¹⁴.

Намекая на связь Булгарина с III Отделением, Одоевский заметил, что критика булгаринской книги может обойтись «очень дорого». И действительно, в журналистике тридцатых годов книга Булгарина не могла быть подвергнута критическому разбору¹⁵.

Одновременные выступления Лермонтова и Одоевского против Булгарина не были случайностью. К 1837 г. Лермонтов установил связи

* все жанры хороши (франц.).

с передовыми журналами — с пушкинским «Современником» и «Литературными прибавлениями к „Русскому инвалиду“». На страницах этих журналов велась борьба с реакционной печатью, и в частности — с Булгариным. Соредактор пушкинского «Современника» В. Ф. Одоевский, как это установлено в новейших исследованиях¹⁶, являлся также фактическим соредактором «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“», а затем «Отечественных записок». Именно в этих журналах Лермонтов и печатал свои произведения.

Стихотворения Лермонтова 1836—1837 гг. — «Бородино», «Великий муж...», «Умиравший гладиатор», «Смерть поэта», «Песня о купце Калашникове» — поднимали самые жгучие вопросы современности. В этих произведениях, проникнутых патриотизмом и народностью, беспощадно разоблачалась николаевская действительность, моральные вопросы, столь волновавшие поэта, рассматривались в нерасторжимой связи с вопросами социальными и политическими.

В обнаруженных ныне эпиграммах на Булгарина, несмотря на их краткость, в полной мере проявились эти замечательные черты творчества Лермонтова.

IV

Вспоминая о своей встрече с Лермонтовым на Кавказе в 1837 г., Н. М. Сатин отмечал, что поэт был знаком со всем «водяным» обществом; «он писал тогда свою „Княжну Мери“ и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями»¹⁷.

К числу этих «личностей» принадлежал и тот, кого Лермонтов изобразил в своих эпиграммах под именем «Макавей». Обе эпиграммы воссоздают отталкивающий облик одного из представителей «водяного» общества.

При этом надо иметь в виду, что Кавказские воды охотно посещались столичной аристократией и, весьма вероятно, что Лермонтов изобразил человека, знакомого ему по Петербургу.

Кто этот «Макавей», сказать определенно пока не представляется возможным. Из лиц, с которыми Лермонтов встречался в те годы, прежде всего приходит на память А. Л. Элькан, послуживший прототипом Шприха в драме «Маскарад», над которой поэт работал в 1835—1836 гг. Так же, как и «Макавей» в эпиграммах, Шприх в «Маскараде» — злобный интриган и сплетник. «Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно», «слух завидный», — говорится о нем в «Маскараде» (VI, 249, 251).

Третьестепенный литератор, постоянный посетитель аристократических салонов, Элькан состоял агентом III Отделения. Личность эта была настолько заметной и характерной, что не раз привлекала внимание писателей. Работая над «Горем от ума», Грибоедов в образе Загорецкого воспроизвел черты Элькана. Об Элькане идет речь в фельетонах М. А. Бестужева-Рюмина, напечатанных в альманахе «Сириус» (1826 г.) и в газете «Северный Меркурий» (1830 г.), в повести О. И. Сенковского «Предубеждение» (1834 г.), в водевиле П. А. Каратыгина «Ложа первого яруса на последний дебют Тальони» (1838 г.), и, наконец, в повести Т. Г. Шевченко «Художник» (1856 г.).

Называя имя Элькана в качестве возможного адресата лермонтовских эпиграмм, следует помнить, что «Маскарад» пропущен на сцену не был и образ Шприха, заключающий в себе портретное сходство с Эльканом, оставался широкой публике неизвестным. Это и могло побудить Лермонтова заклеймить Элькана в эпиграммах.

Впрочем, можно назвать и другое, хорошо известное Лермонтову, лицо, другого завсегдагата петербургских гостиных, темного дельца, негласного

Е. П. РОСТОПЧИНА

Рисунок Е. А. Мертваго (рожд. Соймоновой), 1849 г.

Исторический музей, Москва

сотрудника III Отделения Н. И. Тарасенко-Отрешкова. Изобразив его в «Княгине Лиговской» под фамилией Горшенко, Лермонтов подробно описал его внешность, напоминающую отчасти портрет неизвестного нам Макавея». «Он был порядочного роста, — пишет Лермонтов о Горшенко, — и так худ, что английского покроя фрак висел на его плечах, как на вешалке. Жесткий атласный галстук подпирал его угловатый подбородок. Рот его, лишенный губ, походил на отверстие, прорезанное перочинным ножичком в картонной маске». Далее в описании упоминаются «впалые и смугловатые щеки», и глаза «серые и маленькие», имевшие «дерзкое выражение» (V, 152).

В нашем распоряжении не имеется данных о том, находились ли Элькан или Тарасенко-Отрешков в 1837 г. на Кавказских водах. Установить это теперь уже трудно, так как списки посетителей Минеральных вод были уничтожены на Северном Кавказе в 1942 г. немецко-фашистскими захватчиками.

Не предрешая вопроса о том, кого имел в виду Лермонтов в своих эпиграммах на «Макавея», мы можем констатировать, что при несомненном портретном сходстве, они, в то же время, воссоздавали характерные черты и других «злых сердцеловов», обладателей «чутких ушей» и зорких очей, ожидавших «добычи» в надежде уловить «слово обидное».

Прозвище «Макавей» служило удобным иносказанием: оно вызывало в памяти имя библейского Маккавея — Иуды, а имя Иуды у каждого ассоциировалось с понятием о предательстве Иуды-христопродавца, который, согласно евангельской легенде, продал совесть за тридцать сребренников. «Макавей» — это высмеянный Лермонтовым шпион III Отделения.

Несомненно, что эти эпиграммы, так же, как и вновь обнаруженные эпиграммы Лермонтова на Булгарина, — имели злободневный политический смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На обороте листка находятся также два карандашных рисунка Лермонтова, не имеющих отношения к тексту: голова запорожца и мужской профиль. Здесь же в правом нижнем углу можно с трудом прочитать тщательно зачеркнутую надпись Е. П. Ростопчиной: «Manuscrit de Lermontoff».

² См. Реестр книг за 1872 год. Раздел: Рукописи. — Архив Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

³ См. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1872 г.», стр. 46.

⁴ См. об этом подробнее в кн.: Н. Б р о д с к и й. М. Ю. Лермонтов. Биография, ч. I (1814—1832). М., 1945, стр. 157—162.

⁵ Е. Р о с т о п ч и н а. Записка о Лермонтове. — В кн.: Е. А. С у ш к о в а. Записки. Л., 1928, стр. 351.

⁶ «Журнал Ваш самый народный, — писала Ростопчина, — он является и в петербургских гостиных, и в уездных закоулках, и в уединенных деревнях <...> С уверением моего уважения, прошу Вас принять изъявление желания моего, чтоб успех всегда и везде награждал почтенные труды Ваши на поприще нашей литературы и заслуги долголетнего и неистощимого таланта, известного всякому русскому» («Русская старина», 1901, № 2, стр. 407—408).

⁷ См. комментарии к стихотворению «Романс» 1829 г. («Коварной жизнью недовольный») в Полн. собр. соч. Лермонтова, т. I. М. — Л., изд. «Academia», 1936, стр. 423—426*.

⁸ В. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. III. СПб., 1901, стр. 32.

⁹ См. Русский биографический словарь, т. Ибак — Ключарев, стр. 26.

¹⁰ В. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. VI. СПб., 1903, стр. 220.

¹¹ Там же, т. VIII. СПб., 1907, стр. 99.

¹² См. П. С а к у л и н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 1—2. М., 1913.

¹³ Одоевский имеет в виду пространное разъяснение Булгарина на тему о том, почему его издание названо «ручной книгой для русских всех сословий».

¹⁴ Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. В. Ф. Одоевского, переплет 10, лл. 97—98.

¹⁵ В статье о «Воспоминаниях Фаддея Булгарина» Белинский рассказывал об одном из «блестательных подвигов г. Булгарина по части литературной тактики и любви к правде». В 1838 г. Полевой в «Сыне отечества» напечатал снисходительный отзыв о книге Булгарина и «только заметил что-то о недостатках приложенных к этой компиляции карт. А перед этим, г. Булгарин, разбирая „Уголино“, поставил автора этой драмы если не выше Шекспира и Шиллера, то рядышком с ними. И вдруг — о ужас! — через несколько недель, если не дней, г. Булгарин сам протестовал против своей собственной статьи, объявив, что в ней похвалы драме Полевого были следствием самарадерие!... Вот до чего доводит людей излишняя любовь к правде!» (В. Б е л и н с к и й. Полн. собр. соч., т. X. СПб., 1914, стр. 368).

¹⁶ См. А. М о г и л я н с к и й. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок». — «Известия Академии Наук СССР», серия истории и философии, т. VI, № 3, 1949, стр. 202—226.

¹⁷ Сб. «Почин», М., 1895, стр. 239.

* В дальнейшем при ссылке на это издание в тексте публикуемых ниже работ указываются только том (римской цифрой) и страницы (арабской).